ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МАКРОРЕГИОНА

Л.Б. Ковальчук

Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
5 сентября 2021 г.

Дата принятия к печати
30 сентября 2021 г.

Дата онлайн-размещения
22 октября 2021 г.

Ключевые слова

Макрорегион; неравенство;
дифференциация;
пространство; конвергенция;
дивергенция

Аннотация

Исследования теоретических основ пространственного неравенства насчитывают не один десяток лет. Однако до сих пор в решении данной проблемы остается достаточно много белых пятен, что не позволяет формировать эффективные стратегии развития территорий в пространстве макрорегионов. В числе вопросов, требующих ответа, — неравенство территорий по уровню развития социальной сферы в рамках одного макрорегиона. Теоретические основы неравенства регионов в социальной сфере прочно связаны с факторами развития экономики: уровнем развития производительных сил, технологий, трудовых ресурсов. При этом уровень развития социальной сферы во многом определяет уровень развития экономики, создавая или сокращая разрывы между территориями в рамках макрорегиона. Между тем существующие теоретические основы неравенства в социальной сфере не дают однозначного ответа на вопрос о том, какой уровень неравенства допустим, или о том, какие механизмы можно использовать для его сокращения.

В статье рассмотрена эволюция теоретических взглядов на пространственное неравенство, раскрыта связь между неравенством территорий в экономике и социальной сфере, показаны инструменты исследования пространственного неравенства, в том числе в социальной сфере, обоснована необходимость дальнейшего изучения проблемы пространственного неравенства в социальной сфере в направлении анализа его роли в развитии социально-экономического пространства макрорегионов.

THEORETICAL ASPECTS OF INEQUALITY DIAGNOSTICS IN THE SOCIAL SPHERE OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF A FEDERATION IN THE SPACE OF A MACRO-REGION

Lyudmila B. Kovalchuk

Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, the Russian Federation

Article info

Received
September 5, 2021

Accepted
September 30, 2021

Available online
October 22, 2021

Keywords

Macro-region; inequality;
differentiation; space;
convergence; divergence

Abstract

The research of the theoretical foundations of spatial inequality has been conducted for more than a dozen years. However, there are still quite a lot of unexplored facts in solving the problem of spatial inequality, which do not allow forming effective strategies for the development of constituent entities in the space of macro-regions. Among the questions that need to be answered is the inequality of the subjects of the federation in the social sphere within a macro-region. The theoretical foundations of inequality in the social sphere are closely connected with the factors of economic development: the level of the development of productive forces, technologies and labor resources. At the same time, the level of the development of the social sphere largely determines the level of economic development, creating or reducing gaps between the constituent entities within a macro-region. Meanwhile, the existing theoretical foundations of inequality in the social sphere

do not give an unambiguous answer to the question of what level of inequality is permissible, or what mechanisms can be used to reduce it. The article considers the evolution of theoretical views on spatial inequality, reveals the relationship between inequality in the economy and social sphere, shows the tools for studying spatial inequality, including social sphere, justifies the need for further development of the theory of spatial inequality in the social sphere in the direction of studying its role in the development of the socio-economic space of macro-regions.

Проблема неравенства территорий (макрорегионов, регионов, административных районов и т.п.) в социальной и экономической сферах во многом определяется объективными причинами, которые невозможно игнорировать в ходе разработки стратегий и направлений перспективного развития социально-экономических систем различного уровня. В число таких причин входят характеристики пространства, определяющие условия жизни и деятельности людей, населяющих его. Именно пространственные характеристики неравенства, являющиеся наиболее очевидными его причинами и поддающиеся достаточно объективной оценке, положили начало развитию пространственного подхода к исследованию социально-экономических систем и заложили основу исследований региональной дифференциации таких систем.

В частности, И. Тюнен, В. Лаунхардт, А. Вебер объясняют выбор места размещения производства возможностью получения фирмой экономии от снижения издержек на производство и сбыт продукции. На микроуровне территориальные особенности вызывают различия в издержках и прибылях компаний, формируя таким образом различия между территориями, на которых они располагаются.

Различия между отдельными предприятиями в пространстве территорий приводят к формированию экономических центров («центральных мест») и зон обслуживания («дополняющих районов»). Взаимодействие различных по своему функциональному назначению зон в пространстве территорий постепенно облекается в форму правильных шестиугольников, которые исследовал и описал В. Кристаллер. Важно отметить, что предложенная им модель (решетка Кристаллера) демонстрировала не только взаимодействие между «центром» и «зонами обслуживания», но и связь между экономическими центрами одного иерархического уровня. Число иерархических уровней обуславливает уровень экономического развития территории (макрорегиона, региона) в целом и, следовательно, различия между регионами, расположенными в границах определенной территории.

Дальнейшее развитие теоретической основы пространственного неравенства связано с работой немецкого экономиста А. Лёша, который добавил к факторам микроуровня (издержки производства и сбыта) факторы экономической и институциональной среды (налоги, пошлины, олигополии, монополии), обуславливающие возможность максимизации прибыли и, таким образом, неравномерность социально-экономического развития определенных территорий.

Следует отметить, что первые теории пространственного развития подвергались справедливой критике за чрезмерное упрощение действительности. Недостатки первых теоретических представлений о пространственной неоднородности отчасти исправляли следующие теории: теория кумулятивного роста Г. Мюрдаля, полюсов роста Ф. Перру, диффузии инноваций Т. Хэгерстранда, модель «центр — периферия» Дж. Фридмана.

С точки зрения теории кумулятивного роста одной из причин формирования и усиления пространственной неравномерности является имеющееся у какой-либо территории конкурентное преимущество, которое формируется благодаря специализации производства и экономии на его масштабе, приумножается и растет, в результате чего отдельные территории развиваются ускоренными темпами, опережая остальные территории. Кумулятивный рост обеспечивает территориям с определенным конкурентным преимуществом значительный отрыв от других территорий в уровне и качестве жизни, который не может быть устранен полностью, но на некотором отрезке может незначительно снижаться, сокращая различия между макрорегионами и регионами, расположенными на них [1, с. 767].

С позиции теории полюсов роста различия между регионами формируются группой компактно размещенных динамичных отраслей, «отраслей-моторов», которые, ориентируясь на инновации, создают иные товары и услуги. При этом их взаимодействие с предприятиями местного значения, осуществляющими дополняющие виды деятельности, создает серию агломерационных

эффектов, обеспечивая эффективное использование факторов производства, формируя в региональном пространстве «зоны развития» [2; 3, с. 86, 141, 256].

Похожее обоснование неравномерности в развитии территорий предлагает Т. Хэгерстранд: неравномерность выступает следствием появления и распространения (диффузии) нововведений (новых товаров, технологий, методов, приемов их производства). Неравномерность возникает из-за различной скорости внедрения нововведений разными территориями. Более высокими темпами инновации усваиваются в крупных городах и пригородных зонах, что объясняет отставание территорий, находящихся на периферии [4, р. 27–42].

Дополнительную аргументацию формирования «центро-периферийной» природы пространственной неравномерности предлагает Дж. Фридман. С его точки зрения, центры социально-экономического развития стягивают человеческие, трудовые, финансовые ресурсы со всей периферии, создают с их помощью инновации, позволяющие региону (административному району) совершить скачок в экономическом и социально-культурном развитии. Постепенно использованные центром инновации перемещаются на периферию. При этом создается ситуация доминирования центров над периферией. Различные возможности центра и периферии в использовании инноваций не только сохраняют, но и закрепляют сформировавшийся разрыв, который со временем усиливается. С позиции Дж. Фридмана, именно центры генерируют основные импульсы развития, формируют опорный каркас экономического и социально-культурного пространства, но также они фиксируют контрасты и диспропорции в развитии территории. Действие описанного Дж. Фридманом механизма отчетливо проявляется в концентрации производств, инвестиций, трудовых и финансовых ресурсов в трех федеральных округах, расположенных в центральной и южной частях России, и формировании «дуги отсталости», образованной территориями восточной и юго-восточной частей страны (Сибирский и Дальневосточный федеральные округа). Так, совокупный вклад в основной капитал страны Сибирского и Дальневосточного федеральных округов не превышает 17,5 %, притом что совокупная доля Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов составляет более 50 % (53,6 %). Значительным выглядит и вклад Центрального, Северо-Западного и Приволжского округов

в валовой внутренний продукт: Центральный федеральный округ — 34,4 %, Приволжский — 14,7 %, Северо-Западный — 10,6 %. Доля Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на этом фоне чрезвычайно скромна — 9,9 и 6,3 % соответственно. При этом и основная доля рабочих мест сосредоточена в центральной части страны, составляя в совокупности около 60 % (59,6 %). Среднегодовая численность занятых на Дальнем Востоке и в Сибири не превышает 17 % (16,6 %).

Процесс формирования пространственного неравенства регионов коренным образом изменился под влиянием ускоряющегося научно-технического прогресса и внедрения технологий в производство. С учетом перманентных инноваций, обуславливающих рост эффективности экономики, появление новых товаров и новых рынков, представители экономической географии П. Кругман и М. Фуджита выделили две группы факторов, которые в новых условиях способствуют формированию пространственного неравенства. Эти факторы были названы ими факторами «первой природы» и факторами «второй природы».

К факторам «первой природы» относятся природные ресурсы (минеральные, земельные), востребованные рынком, выгодное географическое положение территории (приморское и приграничное на путях глобальной торговли), обеспечивающее низкие транспортные издержки [5].

Важным моментом, на который обращали внимание исследователи, является то, что факторы «первой природы» не зависят от человека, а сформировавшиеся под их влиянием преимущества не являются вечными.

К факторам «второй природы» относятся: агломерационный эффект, обуславливающий высокую плотность населения, развитую инфраструктуру, высокий уровень развития человеческого капитала (образование, здоровье, трудовая мотивация, мобильность и адаптивность населения); институты, влияющие на предпринимательский климат, мобильность населения, распространение инноваций; другие факторы, связанные с уровнем общественного развития.

Факторы «второй природы» связаны с деятельностью людей, проживающих на определенной территории, и формируются в процессе общественного развития. Люди, опираясь на свои знания, навыки, умения, а также опыт, ценностные и культурные ориентации, полученные от предшествующих поколений, организуют и реализуют на территории своего проживания процессы

производства и потребления материальных и социально-культурных благ, формируют определенный уровень инновационного развития, обслуживающую инфраструктуру. Реализуясь в пределах конкретного пространства, эти процессы создают условия для проживания, уровень занятости, влияют на демографическую ситуацию, экологическую обстановку, возможности для отдыха и здорового образа жизни, определяют уровень развития человеческого капитала.

Концентрация процессов производства и потребления материальных и социально-культурных благ с высокой результативностью в пределах одной территории превращает ее в центр развития, в котором активно формируется и растет человеческий капитал.

В контексте неоклассических теорий экономического роста, которые, наряду с физическим капиталом и численностью занятых, включают в модель экономического роста технический прогресс, именно человеческий капитал, обуславливающий уровень технического прогресса, может рассматриваться как причина формирования территориального неравенства. Механизм формирования пространственного неравенства за счет различий в уровне развития человеческого капитала заключается в следующем: приобретенные людьми, населяющими определенную территорию, знания, умения, навыки трансформируются в инновации, которые, в свою очередь, формируют технологический сдвиг за счет более высокопроизводительного и высококвалифицированного труда и обеспечивают непрерывный экономический рост, повышение благосостояния населения в пределах определенной территории. При постоянных темпах роста физического и человеческого капитала темп экономического роста в регионе определяется накоплением именно человеческого капитала [6]. Таким образом, факторы «второй природы», среди которых ведущую роль играет человеческий капитал, формируют социальный аспект пространственного неравенства.

Традиционно в научных кругах социальный аспект пространственного неравенства рассматривается с позиции денежных доходов населения, уровня занятости, потребления социальных благ [2; 7, с. 35]. Однако в последнее время появляются исследования, в которых социальный аспект пространственного неравенства определяется различиями в первую очередь в уровне развития человеческого капитала территории [8].

Так, с точки зрения теории конвергенции, или теории догоняющего развития, пред-

ставленной Р. Барро и К. Сала-и-Мартинем, процессы формирования человеческого капитала не только обуславливают различия между отдельными территориями, но и предоставляют возможности для их сглаживания. На основе полученных эмпирических данных учеными был сделан вывод о том, что увеличение человеческого капитала, вызванное ростом продолжительности обучения, повышением качества образования, приводит к росту ВРП на душу населения. При этом было установлено, что высокий уровень образования способствует увеличению притока инвестиций в основной капитал, поскольку обеспечивает более высокую отдачу от инвестиций и, как результат, рост объемов производства [9]. С учетом того что системообразующим в широком смысле фактором регионального пространства является человеческая деятельность, которая осуществляется в различных сферах (природно-ресурсной, хозяйственно-экономической, институциональной, социальной), в разных условиях и имеет разные результаты, представляется логичным в процессе выявления пространственной неравномерности оценивать более широкий круг факторов, обуславливающих уровень развития человеческого капитала, в том числе факторы, обеспечивающие людям комфортное проживание, мотивацию к повышению интенсивности и производительности труда. Так, академик А.Г. Аганбегян рассматривает человеческий капитал как всю совокупность человеческих способностей и возможностей, включающих интеллект, здоровье, знания, умения, качество жизни человека, от которых зависит его производительный и качественный труд, вклад в социально-экономическое развитие [10].

При этом профессор Н.В. Зубаревич подчеркивает, что человеческий капитал «способствует росту социальной и территориальной мобильности, модернизации ценностей и образа жизни», которые во многом определяют конкурентные преимущества и перспективы развития территории [11, с. 11]. Таким образом, уровень развития человеческого капитала, обуславливающий социальный аспект пространственного неравенства, играет наиболее важную роль как в его формировании, так и в его сглаживании.

Несмотря на практически всеобщее признание важности человеческого капитала в формировании конкурентоспособной экономики, его роль в формировании социального аспекта пространственного неравенства, по крайней мере в рамках теории региональной экономики, представляется недооцененной.

Это проявляется прежде всего в том, что для оценки пространственного неравенства используются показатели бюджетной обеспеченности региона, уровня доходов населения, темпы роста валового регионального продукта и другие индикаторы, связанные главным образом с уровнем экономического развития территориальной системы.

При этом, по мнению академика П.А. Минакира, «упускается из виду факт, что целью экономического развития является увеличение параметров жизни населения» [12]. Именно различия в параметрах жизни, обуславливающих определенный уровень ее комфортности, вызывают интенсивные миграционные потоки населения, избыточную его концентрацию в мегаполисах центральной полосы России и обезлюдение районов Сибири и Дальнего Востока. В то же время исследования, проведенные Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, показывают, что экономический рост не только не устраняет заметную дифференциацию социальных показателей субъектов Федерации в рамках макрорегиона, но и усиливает ее, вызывая в обществе ощущение социально-экономической несостоятельности, деформирует мотивацию социального поведения [13]. Таким образом, становится все более очевидным факт, что социальные и экономические аспекты пространственного неравенства достаточно прочно переплетены и для обеспечения динамичного развития территории должны быть определенным образом сбалансированы.

Учитывая объективный характер влияния этих факторов, следует отметить, что полной ликвидации неравенства территорий в социальной и экономической сферах достичь невозможно. В этой связи возникает вопрос о степени допустимости сложившегося неравенства.

В.Н. Лексин и А.Н. Швецов отмечают, что значение имеют не сами различия между регионами или отставание одних регионов от других, а те социальные последствия, которые эти различия вызывают [7, с. 32]. Важнейшим последствием неравенства территорий, снижающим возможности их развития, является отрицательная динамика ключевых социально-демографических индикаторов: коэффициентов рождаемости и смертности, продолжительности жизни, уровня преступности, размера доходов и т.п. Динамичное ухудшение указанных социальных индикаторов вызывает резкое увеличение миграционного оттока, поскольку сравнительно более низкий уровень социально-экономического

развития в регионе стимулирует население к перемене места жительства и работы. Усиление отрицательных последствий неравенства регионов в социальной сфере, по мнению авторов, является признаком ненормативного неравенства и должно быть сглажено.

Однако, указывая на индикаторы, дающие возможность диагностировать неравенство территорий, В.Н. Лексин и А.Н. Швецов не называют допустимый уровень неравенства. Вопрос о количественном измерении допустимого уровня неравенства, при котором начинаются динамичные изменения миграционного потока, до сих пор остается открытым.

Результаты исследований в области определения уровня пространственного неравенства, в том числе и в социальной сфере, связаны в основном с показателями рассеивания, использованием энтропийных мер неравенства (первого и второго индексов Тейла, индексов Аткинсона, Кольма), индексов Джини, Гувера, Герфиндаля, коэффициента Ульямса.

Одним из самых распространенных, наиболее часто используемых в межрегиональных сравнениях является коэффициент вариации. Представляя собой показатель рассеивания, коэффициент вариации характеризует однородность совокупности. Если коэффициент вариации превышает 33 %, то исследуемая совокупность представляется как неоднородная, и на этом основании делается вывод о том, что территориальная дифференциация превышает допустимый уровень.

Исследования Дж. Ульямса, который путем взвешивания коэффициента вариации на долю численности населения региона в численности населения страны получил верхний предел межрегиональной дифференциации, равный 33 %, показывают, что это именно тот уровень дифференциации, при котором экономический рост в стране замедляется [14, р. 162–171]. Таким образом, значение коэффициента вариации, превышающее 33 %, можно рассматривать в качестве формального показателя аномального неравенства территорий, вызывающего негативные последствия в развитии территориальной социально-экономической системы.

Анализ динамики показателей неравенства территорий в социальной и экономической сферах в рамках макрорегиона, инструментарий такого анализа представлены в исследованиях Р. Барро и К. Сала-и-Мартина, а также в рамках набирающей в настоящее время популярность теории конвергенции [14; 15]. С позиции теории конвергенции межрегиональные различия описывают две

концепции — σ - и β -конвергенция: σ -конвергенция наблюдается, когда дисперсия индикаторов неравенства с течением времени сокращается, β -конвергенция имеет место, когда территории с наиболее низкими показателями развития демонстрируют более высокие темпы экономического роста, чем более развитые, что в долгосрочном периоде приводит к выравниванию показателей неравенства территорий в уровнях развития экономики и социальной сферы [15].

Справедливость предположений Р. Барро и К. Сала-и-Мартина доказывают результаты многочисленных эмпирических исследований. В частности, оценки темпов β -конвергенции доходов в провинциях Канады [16], штатах США [17; 18] подтверждают, что в долгосрочной перспективе регионы с разным уровнем развития приходят к общей траектории сбалансированного роста.

Используя дисперсию в качестве формального показателя пространственной дифференциации макрорегионов, исследователи диагностировали процессы конвергенции (сближения) макрорегионов при снижении значения дисперсии или их дивергенции (расхождения) при его увеличении.

Однако исследования динамики конвергентных/дивергентных процессов Р. Барро и К. Сала-и-Мартина не синхронизированы с динамикой показателей развития социальной сферы и не позволяют сделать вывод относительно связи между существованием аномального неравенства в экономике и состоянием социальной сферы территории. Кроме того, в рамках проведенных исследований не был установлен уровень неравенства, при котором оно может оказывать заметное влияние на темпы экономического роста территорий.

Между тем вопрос об уровне допустимого неравенства между макрорегионами в уровне социального развития совершенно очевидно назрел и требует научного обоснования. В частности, Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц отмечает, что «...неравенство достигло той стадии, на которой оно перестало быть эффективным, но превратилось в серьезную помеху для развития», и указывает, что «в обществах с подобными (высокими) показателями неравенства не может быть эффективного функционирования систем, а экономика не может иметь ни стабильного,

ни устойчивого характера в долгосрочной перспективе» [19]. Академик А.Г. Гранберг, отмечая в 1990-е гг. нарастающую социально-экономическую дифференциацию регионов России, связывал ее с «глубоким расстройством механизмов воспроизводства» и называл высокий уровень дифференциации хронической болезнью, от которой «организм не умирает, но происходит его общее ослабление, увеличивается подверженность другим заболеваниям» [2].

По мнению профессора Н.М. Римашевской, дисбаланс во взаимодействии экономических и социальных процессов вызывает их взаимную блокировку. При этом она отмечает, что социальные императивы выполняют роль «объективного предела», недооценка которого заставляет «расплачиваться» не только экономике, но и человеческий потенциал, и генофонд страны» [20].

Профессор Н.В. Зубаревич отмечает, что в России высокий уровень пространственной дифференциации приобретает формат социальной депрессивности, выражающейся в депопуляции, особенно остро проявляющейся в регионах Восточной Сибири, Севера, Северо-Востока, Дальнего Востока, и сопровождающейся алкоголизацией и маргинализацией населения, в «сжатии» заселенных территорий [21, с. 16].

Таким образом, несмотря на активный научный интерес к проблеме пространственного неравенства, остается достаточно большой потенциал ее исследования как в части описания механизмов его формирования, так и в части выявления инструментов и показателей его исследования.

Представляется, что в рамках системного подхода необходимо изучать процессы формирования неравенства не только на уровне крупных территориальных образований — макрорегионов, но и на уровне административных регионов, муниципальных образований. Выявление кратных различий, их синхронизации с динамикой миграционного потока позволит диагностировать процессы аномальной дифференциации территорий, препятствующей их устойчивому социально-экономическому развитию, и исследовать механизмы формирования таких процессов в пределах территориальной социально-экономической системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. — Москва : Прогресс, 1972. — 767 с.
2. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий / А.Г. Гранберг // Экономическое возрождение России. — 2004. — № 1. — С. 16–22.

3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
4. Hagerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process / T. Hagerstrand. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1968. — 334 p.
5. Fujita M. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A.J. Venables. — Cambridge : MIT-Press, 1999. — 367 p.
6. Jacobs B. Human Capital, R&D Productivity Growth and Assimilation of Technology in the Netherland / B. Jacobs, R. Nahujs, P.J.G. Tang // Productivity, Technology & Economic Growth / eds. B. van Ark, S.K. Kuipers, G.H. Kuper. — Boston : Kluwer, 2000. — P. 293–315.
7. Лексин В.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. — 368 с.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 135–145.
9. Barro R. Convergence / R. Barro, X. Sala-i-Martin // Journal of political economy. — 1992. — Vol. 100, № 2. — P. 223–251.
10. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста / А.Г. Аганбегян // Экономические стратегии. — 2017. — Т. 19, № 3 (145). — С. 66–79.
11. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н.В. Зубаревич // ЭКО. — 2014. — № 4. — С. 7–27.
12. Минакир П.А. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. — Хабаровск : ДВО РАН, 2010. — 560 с.
13. Шевяков А. «Болевые точки» России: избыточное неравенство и депопуляция / А. Шевяков // Общество и экономика. — 2005. — № 12. — С. 86–102.
14. Barro R.J. Economic Growth / R.J. Barro, X. Sala-i-Martin. — Cambridge : The MIT Press, 2003 — 428 p.
15. Sala-i-Martin X. The classical approach to convergence analysis / X. Sala-i-Martin // The Economic Journal. — 1996. — Vol. 106. — P. 1019–1036.
16. Бадман М.К. Избранные труды и продолжение начатого / М.К. Бадман ; под ред. В.Ю. Малова. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. — 448 с.
17. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России / А.Г. Аганбегян. — Москва : Экономика, 1982. — 304 с.
18. Бадман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М.К. Бадман. — Новосибирск : Наука, 1980. — 254 с.
19. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. — Москва : Эксмо, 2015. — 255 с.
20. Римашевская Н. Человеческий потенциал России и проблема «сбережения населения» / Н. Римашевская // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9-10. — С. 22–40.
21. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. — Москва : Независимый ин-т соц. политики, 2010. — 160 с.

Информация об авторе

Ковальчук Людмила Борисовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, докторант Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Российская Федерация, e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

Для цитирования

Ковальчук Л.Б. Теоретические аспекты диагностики неравномерного развития социальной сферы субъектов федерации в пространстве макрорегиона / Л.Б. Ковальчук. — DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(3).296-302 // Известия Байкальского государственного университета. — 2021. — Т. 31, № 3. — С. 296–302.

Author

Lyudmila B. Kovalchuk — Ph.D. in Economics, Senior Researcher, D.Sc. Student, Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, the Russian Federation, e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

For Citation

Kovalchuk L.B. Theoretical Aspects of Inequality Diagnostics in the Social Sphere of the Constituent Entities of a Federation in the Space of a Macro-Region. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2021, vol. 31, no. 3, pp. 296–302. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(3).296-302. (In Russian).